

На правах рукописи

КОШКАРОВ Анатолий Геннадьевич

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ В СОВЕТСКОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ КУЗБАССА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)**

Специальность 5.10.1. – Теория и история культуры, искусства

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Иваново – 2025

Работа выполнена на кафедре культурологии, философии и искусствоведения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный институт культуры»

Научный

руководитель – **Астахов Олег Юрьевич**, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии, философии и искусствоведения Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный институт культуры»

Официальные оппоненты: **Копцева Наталья Петровна**, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и искусствоведения Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»

Балагуров Олег Андреевич, кандидат культурологии, помощник настоятеля по образованию и научно-исследовательской работе, Мужской монастырь Животворящего Креста Господня

Ведущая организация – **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»**
(кафедра философии и общественных наук)

Защита диссертации состоится «19» декабря 2025 года в «10.00» часов на заседании Диссертационного совета 24.2.301.01 при ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 155908, г. Шуя, Ивановской области, ул. Кооперативная, 24, ауд. 220.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37/7, корпус № 1, к. 108., и на официальном сайте университета: <http://ivanovo.ac.ru>

Автореферат разослан: «___» 2025 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии

Е. Н. Шашнева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы.

Православие как неотъемлемая часть социокультурного наследия России продолжает оказывать существенное влияние на развитие общества. В последние десятилетия отмечается усиление воздействия Русской православной церкви на культурную составляющую социальной жизни страны. Церковные институты традиционно выступали в роли платформы для продвижения идей, связанных с развитием и защитой российских духовно-нравственных ценностей, и этот формирующийся церковный нарратив стал особо актуальным в свете стремления государства обозначить свое отношение к вопросу сохранения традиционных ценностей. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» были обозначены стратегические национальные приоритеты, такие как «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти», обуславливающие общероссийскую гражданскую идентичность и единое культурное пространство страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии России.

Вопросы культурного развития и исторической памяти напрямую связаны с обращением к динамике социокультурных отношений, содержательная целостность которых обуславливается процессами социокультурной адаптации. Само понятие культура, по мнению А. Я. Флиера, включает в себя характеристики адаптивного поведения людей, приспосабливающихся не только к природному, но и к историко-культурному, социально-культурному контекстам их существования. При этом адаптация, как справедливо отмечал автор, влияет не только на изменение стереотипов поведения поколения людей, но и передачу опыта формирования устойчивых связей и отношений в культуре потомкам, и одним из главных каналов передачи такого опыта, наряду с воспитанием и обучением, становится религия.

Региональные историко-культурные и социально-культурные особенности развития России диктуют множественность способов осуществления адаптивных проявлений социально-религиозных отношений. Отличительные черты социокультурной адаптации Русской православной церкви в советском индустриальном Кузбассе были обусловлены ускоренной индустриализацией региона, в результате чего установка на формирование устойчивых основ жизни, что закреплялось в религиозных представлениях, сопрягалась с подвижной динамикой и социальной устремленностью к преодолению традиций. Подобный конфликт отражает лишь внешнюю сторону социокультурных изменений, содержание которых необходимо связывать с процессами культурогенеза, выраженными в механизмах трансформации и постоянного обновления культуры как целостного образования. В этом контексте не может быть культурного разобщения церкви и общества как двух независимых субъектов. Внутри культурной целостности происходит процесс адаптации одного к другому. При этом целостность не отрицает наличие нетождественных компонентов, их

отношения выстраиваются на уровне глубинных смыслов и значений, формирующих особый ценностный контекст, обусловленный внешними и внутренними факторами локализации сообществ. В связи с этим особо актуальным является вопрос изучения региональной составляющей социокультурной адаптации церковных институтов в советском обществе в аспекте представления культуры как целостного образования. Одной из причин устойчивости Русской православной церкви является способность её адаптации к различным социокультурным сценариям, поэтому условием защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей служит формирование адаптивной среды, в которой реализуется диалог церкви и государства.

Степень научной разработанности проблемы.

Термин «социокультурная адаптация» широко используется в естественных и социальных науках. Тематический дискурс социокультурной адаптации охватывает самые разнообразные направления. Широкое распространение вопросы социокультурной адаптации получили отражение в прикладных исследованиях, связанных с постановкой социальной проблематики, как правило, в контексте деятельности конкретных учреждений или социальных институций, например, связанных с миграционными процессами, с адаптацией учащихся, сопровождением «реабилитантов», находящихся в разных трансформационных процессах и т. д. Так, например, вопросам особенностей социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в обществе посвящены диссертационные работы Ю. С. Барышевой, А. В. Воропаевой, А. А. Лакомовой, Т. А. Панеша, М. А. Шипиловой, Д. А. Шмариновой и др. Социокультурная адаптация студентов рассматривается в исследованиях О. В. Буховской, И. О. Кривцовой, Лондаджима Тьерри, Л. И. Рюмшиной, и др. При этом одной из малоизученных тем прикладных исследований остается религиозная социокультурная адаптация.

При выявлении общетеоретических принципов социокультурной адаптации, связанных с обращением к биологическим, социально-психологическим, социологическим, культурологическим подходам явились зарубежные исследования Ж. Беннетта, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Р. Линтона, Л. Моргана, Т. Парсонса, Р. Редфилда, Г. Спенсера, Г. С. Триандиса, М. Херковица, Л. Шаффера и отечественные работы Г. М. Андреевой, С. А. Арутюнова, Л. П. Буевой, А.Б. Георгиевского, В. В. Гриценко, И. Д. Калайкова, Э. С. Маркаряна, Т. Г. Стефаненко, А. Я. Флиера и др.

Религиозная жизнь в контексте цивилизационного развития рассматривается в трудах Н. Я. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера и др.

Социокультурной адаптации в трансформационных процессах культуры посвящены работы В. В. Горшковой, Е. В. Красавиной, Н. В. Маханько, Т. В. Щеклачевой и др.

Механизмы социокультурной адаптации личности раскрываются в исследованиях Л. Б. Волынской, Л. И. Васехи, И. Н. Дониной, И. А. Купцовой и др.

Социокультурная адаптация религиозных сообществ описана в исследованиях В. Ю. Бирюкова, А. М. Понамаревой и др.

Проблемы технократизации общества и адаптации православия в этих процессах ставятся в работах Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. И. Новгородцева, Н. С. Трубецкого и др. Акцентируют внимание на вопросах уникальности и органичности связи культуры и религии К. Н. Леонтьев и Н. Ф. Федоров.

В диссертации используется понятие «индустриальное общество», которое отличается от таких понятий как буржуазное, капиталистическое или промышленное общество. В научный оборот термин ввел А. Сен-Симон, который выявил, что промышленное производство, использующее машины в освоении природных ресурсов, становится основой капиталистических отношений. В дальнейшем проблематика индустриального общества активно стала разрабатываться во второй половине XX века в трудах Р. Аrona, Д. Белла, У. Ростоу, Э. Тоффлера, Ж. Фурастье и др.

Кризис религиозной жизни в европейском индустриальном обществе раскрывается в работах М. Вебера, Б. П. Вышеславцева, М. Хайдеггера, К. Ясперса и др.

Противопоставление научно-интеллектуальной и религиозной традиции демонстрируют в своих работах классики европейской философии Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Э. Гуссерль, А. Камю, И. Кант, О. Конт, Т. Кун, Дж. Локк, Ф. Ницше, Р. Рорти, З. Фрейд, Э. Фромм и др.

Кризису религиозной жизни православия посвящены работы церковных деятелей митрополита И. Алфеева, А. Л. Дворкина, М. Е. Козлова, А. В. Кураева, В. Н. Лосского, И. Ф. Мейendorфа, Д. П. Огитского, А. И. Осипова, епископа В. Родзянко, А. Д. Шмемана и др.

Особенности культуры советского общества освещались в трудах Э. А. Баллера, А. С. Боголюбова, С. Л. Сенявского и др.

Взаимоотношениям Русской православной церкви и государства во второй половине XX века посвящены диссертационные работы Ю. В. Гераськина, М. В. Иошкина, Д. Ю. Макаровой, И. И. Масловой, М. В. Редько и др.

Религиозная жизнь юга Западной Сибири и Кузбасса представлена в трудах ученых, религиозных и общественных деятелей А. В. Горбатова, А. В. Курлюты, М. М. Кушниковой, И. Т. Лапкина, В. В. Тогулева, П. А. Патрина и др. Информационным источником о мероприятиях, связанных с религиозной жизнью региона, явилась периодическая печать Кузбасса 1954-88-х гг. Также в работе были использованы устные источники меморатного типа.

В исследовании использовалась открытая архивная документация, исторические документы, нормативно-управленческие акты райисполкомов, уполномоченного Совета по делам религий четырех отделений Государственных архивов Алтая, Кемеровской и Новосибирской областей: Государственное казенное учреждение Кемеровской области «Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке» (ГКУКО ГАКО); Государственный архив Кемеровской области (ГАКО); Государственный архив Новосибирской области (ГАНО); Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК).

Проблемой исследования явилось осмысление процессов социокультурной адаптации Русской православной церкви в условиях развития советского

индустриального общества: с одной стороны – сквозь призму конфликтного содержания государственно-церковных отношений, связанных с антирелигиозной политикой, с другой стороны – через сохранение социально-религиозных связей, обусловленных практиками повседневной жизни.

Объектом исследования является религиозно-культурная жизнь в советском индустриальном обществе второй половины XX века.

Предмет исследования – адаптивная социокультурная трансформация Русской православной церкви в условиях индустриального Кузбасса второй половины XX века.

Цель исследования состоит в определении региональных характеристик процессов социокультурной адаптации Русской православной церкви в советском индустриальном обществе второй половины XX века.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих исследовательских задач:

1. Выявить теоретико-методологические принципы исследования социокультурной адаптации религиозной жизни в индустриальном обществе.
2. Эксплицировать культурфилософские основания социокультурной адаптации религиозной жизни в индустриальном обществе.
3. Обозначить религиозно-социальные аспекты социокультурной адаптации христианских конфессий в индустриальном обществе.
4. Обосновать социокультурную адаптацию православия в контексте процессов секуляризации и индустриализации советского общества.
5. Определить ценностные установки социокультурной адаптации Русской православной церкви в советском обществе (по материалам периодической печати Кузбасса 1954-88 гг.).
6. Охарактеризовать идеологические механизмы регулирования государственно-церковных отношений в Кузбассе второй половины XX века.
7. Конкретизировать процессы социокультурной адаптации Русской православной церкви в повседневных практиках Кузбасса второй половины XX века.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Использование культурно-исторического подхода и методов исторического описания и анализа документов в диссертации способствовало рассмотрению механизмов функционирования индустриального общества в контексте конкретных исторических и культурных условий, обуславливающих вариативность развития социокультурных систем. Системный подход в работе с использованием дедуктивного и индуктивного методов позволил увидеть индустриальный тип общества как целостную структуру в аспекте секуляризации социально-религиозных отношений. Для выявления характеристик индустриального общества как социокультурного системного образования в исследовании использовался типологический подход с обращением к методу аналогии. Рассмотрение процессов культурогенеза помогло раскрыть предпосылки происхождения и динамику индустриального типа общества. Применяемый в работе аксиологический подход содействовал изучению процессов сохранения, трансляции и адаптации традиционных ценностей

культуры в условиях секуляризационных процессов. Подходы культурной антропологии с использованием методов интервью, текстового анализа позволили выявить специфику социокультурных практик, формирующихся в контексте повседневных отношений в регионе, связанных с социокультурной адаптацией традиционных религиозных ценностей.

Научная новизна

1. Теоретико-методологические принципы исследования социокультурной адаптации религиозной жизни в индустриальном обществе выстраиваются посредством оценки взаимодействия субъектов в контексте адаптивных ситуаций не только с учётом установления их связей, но и объективной конфликтности.

2. Культурфилософские основания социокультурной адаптации религиозной жизни в индустриальном обществе определяются трансформацией парадигмы развития религиозных и социальных отношений, характеризующихся субъектным содержанием, что обуславливается процессами секуляризации культуры. Выявление культурфилософских смыслов динамики социокультурной адаптации религиозной жизни в индустриальном обществе даёт новое представление о реализации этих процессов, обусловленных индивидуализацией духовных смыслов.

3. Религиозно-социальные аспекты социокультурной адаптации христианских конфессий в индустриальном обществе выявляются сквозь призму вариативных признаков различных типов социокультурной адаптации европейской и отечественной религиозных традиций. Впервые уточняется особенность адаптивной функции православия в рамках развития индустриального общества.

4. Одной из особенностей развития советского индустриального общества стала попытка государства придать строительству этого общества квазирелигиозные черты. «Конкуренция» религии и государства в этом вопросе впервые представлена в контексте государственного влияния на процесс социокультурной адаптации православной традиции в условиях её секуляризации и процессах индустриализации общества во второй половине XX века.

5. На основе анализа периодических информационных печатных изданий Кузбасса 1954-88-х гг. изучены процессы социокультурной адаптации религиозных общин в контексте трансляции ценностных установок, связанных с идеологической пропагандой. Детальный обзор материалов периодической печати позволил выявить активность и нестандартность адаптирующихся религиозных сообществ в практиках сохранения и трансформации церковных институтов.

6. Идеологические механизмы регулирования государственно-церковных отношений в Кузбассе второй половины XX века привели к трансформации церковной идентичности, что способствовало маргинализации религиозной традиции в регионе. Анализ конкретных ситуаций свидетельствует о динамике и сложности развития адаптивной среды с точки зрения взаимодействия официальных декларируемых принципов атеизма и религиозных отношений, формирующихся в практиках повседневной жизни. Это получило отражение в развитии относительной автономии церковной жизни, личностных формах

миссионерства, которые представляются в качестве внутреннего императива, обуславливающего устойчивость трансляции религиозных ценностей. Такая внутренняя резистентность церкви к идеологическим практикам выступает свидетельством публично невыраженной сохранности основ религиозного мировосприятия в практиках повседневности.

7. Впервые рассматриваются процессы социокультурной адаптации Русской православной церкви в повседневных практиках Кузбасса второй половины XX века в аспекте неоднозначного соотношения религиозных ценностей и принципов построения советского индустриального общества. Обратной реакцией на утверждаемую идеологию явилась адаптация религиозной жизни к новым условиям, проявившая себя в сохранении институтов духовничества, клерикально-семейных династий, национально-этнических групп и церковной иерархии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основанием социокультурной адаптации могут выступать процессы ассимиляции, ориентированные на абсолютное уподобление составляющих компонентов культуры. Однако социокультурная адаптация представляет собой более сложный процесс, включающий как внешнее приспособление к социокультурным нормам и структурам, так и внутренне противоречивую рефлексию, связанную с переосмыслинением ценностей, что можно рассматривать как условие культурогенеза.

2. Видоизменение парадигмы развития религиозных и социальных отношений в становлении индустриального общества было связано с развитием европейской внерелигиозной интеллектуальной модели, в рамках которой осуществлялся поиск ответов на вопросы социокультурной адаптации религии в обществе, получивший персонализированный характер. Появление множества подходов, обуславливающих полярное разнообразие религиозно-социальных идей фаталистических, деистических, атеистических, идеалистических, синкретических и др., повлияли на формирование культурфилософской оценки христианских ценностей. Во второй половине XX века, несмотря на распространение антирелигиозных установок, в общественном сознании произошёл сдвиг в сторону признания не только аксиологической, но и гносеологической значимости традиционных религий.

3. В странах Европы переходу от традиционного общества к индустриальному соответствуют различные типы адаптации религиозной традиции и определения её места в обществе. Вариативность формирования адаптивной среды отразилась в развитии направлений традиционного протестантизма, неопротестантизма, неокатолицизма, а также системы «индивидуального атеизма», получившей распространение в основном в католических странах, где неокатолическая трансформация не удовлетворяла ряд слоёв общества. В советском индустриальном обществе подвижность социокультурной адаптации Русской православной церкви оказалась сопоставимой с моделью «индивидуального атеизма».

4. В контексте процессов секуляризации и индустриализации советского общества нивелирование институционального статуса церкви обусловило

подвижность ее существования. Религиозные институты проявляли способность адаптироваться к подобным ситуациям, создавая прецеденты не только для собственного выживания, но и развития. С одной стороны, в работе государственных учреждений осуществлялось заимствование религиозных форм и практик, с другой стороны, официальный язык, дисциплинарные уставы светских организаций, особенности заводских трудовых взаимоотношений были усвоены церковным сообществом. Подобные инверсии препятствовали тотальной эрозии отношений граждан к традиционной религии, что подтверждается сохранением на идеографическом уровне «живых» религиозных символов.

5. Действенное содержание просветительской антирелигиозной деятельности в Кузбассе, направленной на формирование ценностных установок с использованием средств массовой информации, имело постоянный, но не всегда скоординированный характер, что периодически его обесценивало. Поэтому идеологические призывы, нацеленные на «полное отмирание религиозных предрассудков», побуждали обратную реакцию религиозных сообществ, проявившуюся в создании альтернативных путей трансляции христианской аксиологии в практиках повседневной жизни.

6. Идеологические механизмы регулирования государственно-церковных отношений в Кузбассе второй половины XX века были направлены на усиленный контроль церковной среды. Регулятивные действия государственно-церковных отношений сводились к следующему ряду идеологических практик: нормативно-правовая деятельность, просветительская, кадровая (подготовка идеологических работников), управленческий и финансово-хозяйственный контроль, обуславливающий невозможность структурной автономии церкви. Ответом религиозных общин на социальные вызовы стал поиск адаптивных инструментов для усиления самостоятельности коллективной церковной жизни, развития миссионерской деятельности, получившей личностный характер.

7. Конкретные процессы социокультурной адаптации Русской православной церкви в повседневных практиках Кузбасса второй половины XX века были детерминированы регулятивными действиями государственно-церковных отношений. С целью сохранения своей идентичности на локальном уровне активная часть духовенства разворачивала свою деятельность, используя приемы «подпольной борьбы», отстаивая право на самостоятельность религиозных убеждений. Адаптивные механизмы достижения данной цели получили выражение в практиках консолидации семейно-династических и национальных групп, сплочения активных верующих в малые «группы доверия» вокруг духовников, что способствовало централизации управления церковью и повышению роли епископата.

Теоретическая значимость исследования заключается в осмыслении процессов социокультурной адаптации Русской православной церкви в контексте специфики развития советского индустриального общества, с учетом региональных особенностей трансформации религиозной жизни Русской православной церкви в Кузбассе второй половины XX века. Изучение характерных особенностей формирования государственно-церковных взаимоотношений в Сибири позволило обосновать специфику действия

механизмов социокультурной адаптации, получившей закрепление в альтернативных способах сакрализации христианских ценностей в повседневных практиках религиозной жизни. Этим работа вносит существенный вклад в оригинальное решение вопросов выстраивания амбивалентной логики формирования религиозно-социальных связей, не отрицающей культуру как целостное и органическое образование.

Практическая значимость исследования. Материалы исследования могут быть использованы специалистами, занимающимися вопросами консультирования и экспертизы в области религиозно-социальных отношений, работниками государственных и местных органов власти, а также в преподавании вузовских курсов и специальных дисциплин по религиоведению, культурологии, политологии, краеведению, истории Сибири. Материалы диссертационного исследования дают возможность для разработки факультативных курсов изучения региональной культуры в учебных заведениях различного уровня.

Личный вклад автора диссертации был обусловлен самостоятельным поиском и формированием уникальной источниковой базы, определением общей концепции и выводов работы. При проведении исследования значимым явился анализ неопубликованных материалов четырёх архивных отделений юга Западной Сибири и привлечение устных источников меморатного типа. Соискателем выявлены особенности социокультурной адаптации Русской православной церкви в советском индустриальном обществе в аспекте целостного представления культуры. В работе определены культурфилософские смыслы динамики социокультурной адаптации религиозной жизни в индустриальном типе общества, которые дают новое представление о реализации этих процессов, формирующих иную адаптивную среду, включающую локальные и индивидуальные адаптивные события. Проанализированы особенности социокультурной адаптации христианских конфессий в индустриальном обществе на примерах выстраивания европейских и отечественных социально-религиозных отношений. Детальное рассмотрение материалов информационных печатных изданий Кузбасса 1954-88-х гг. позволило установить особенности трансляции квазирелигиозных идеологем советского общества в условиях региона. Прослежено развитие оппозиционных соотношений религиозных ценностей и принципов индустриализации общества. Определена специфика трансформации церковной идентичности в условиях регламентации государственно-церковных отношений, которая обусловила актуализацию адаптивных практик институтов духовничества, клерикально-семейных династии, национально-этнических групп и церковной иерархии. Результаты исследования нашли своё отражение в публикациях, которые были подготовлены непосредственно автором и представлены на научных и научно-практических конференциях разного уровня.

Апробация работы

Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на научно-практических конференциях: Международная научная конференция «III Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925 – 1995)» (Новокузнецк, 2007); Международная научная конференция «IV чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925 – 1995)» (Новокузнецк, 2008);

Международная научная конференция «V чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925 – 1995)» (Новокузнецк, 2009); Международная научная конференция «VI чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925 – 1995)» (Новокузнецк, 2010); VI Всероссийская научная конференция «История идей и история общества» (Нижневартовск, 2008); Международная научно-практическая конференция «Модернизация образования в условиях глобализации» (Новокузнецк, 2009); Всероссийский научно-практический семинар «Культурная идентичность в региональном пространстве» (Кемерово, 2024); IV Международная научно-практическая конференция «Социальные коммуникации: философские, культурологические, исторические, психологические, политические, религиозные измерения» (Кемерово, 2025).

По теме диссертации опубликована 21 научная статья, в их числе 7 публикаций в изданиях, определенных перечнем ВАК.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и использованных источников, а также приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит обоснование актуальности темы диссертационной работы, анализ степени её научной разработанности, цель и задачи исследования, его предмет и объект, теоретико-методологическую базу исследования, научную новизну и основные положения, выносимые на защиту, а также теоретическую и практическую значимость полученных результатов диссертационной работы. Также во введении сообщается об апробации ключевых идей диссертации.

В первой главе «Социокультурная адаптация религиозной жизни в индустриальном обществе» выявляются теоретико-методологические принципы исследования социокультурной адаптации религиозной жизни в индустриальном обществе, эксплицируются культурфилософские основания социокультурной адаптации религиозной жизни в индустриальном обществе, определяются религиозно-государственные аспекты социокультурной адаптации христианских конфессий в индустриальном обществе, характеризуется социокультурная адаптация православия в контексте процессов секуляризации и индустриализации советского общества

В первом параграфе первой главы «Теоретико-методологические принципы исследования социокультурной адаптации религиозной жизни в индустриальном обществе» раскрываются основные теоретические подходы к вопросу о содержании социокультурной адаптации религиозной жизни в индустриальном обществе, выявляется характер и специфика перехода от традиционного общества к индустриальному в контексте религиозных трансформации, в той или иной мере, соответствующей изменениям в обществе. Проведённый анализ теоретико-методологических принципов социокультурной адаптации религиозных отношений в индустриальном обществе позволяет сделать следующие выводы. Социокультурная адаптация представляет собой не статичное, а динамичное явление, обусловленное постоянным взаимодействием субъектов взаимоотношений. Социокультурная адаптация – это многофакторный,

многогранный и сложный процесс, включающий в себя как внешнее приспособление к социальным нормам и структурам, так и внутреннюю рефлексию, связанную с переосмыслением существующих ценностей. Этот процесс носит двусторонний характер, где адаптирующийся субъект (религиозные институты) и общество взаимодействуют на основе коммуникации, направленной на динамику ценностного содержания. Индустриальное общество, с его технологическими, экономическими и социальными трансформациями, создает новые вызовы для выстраивания религиозных отношений, которые трансформируются, находя новые формы взаимодействия с обществом. Религия и общество влияют друг на друга, сохраняя при этом свои сущностные ценностные характеристики. Детальное рассмотрение этих процессов открывает новые возможности для изучения роли религии в современном мире и ее взаимодействия с быстро меняющимися социальными структурами.

Во втором параграфе первой главы «Культурфилософские основания социокультурной адаптации религиозной жизни в индустриальном обществе» описывается эволюция интеллектуальной внерелигиозной (не привязанной к каким-то определённым деноминациям и религиозным течениям) традиции в Европе и Северной Америке, влияющих на процессы социокультурной адаптации религиозной жизни. Именно эта эволюция и стала базовой матрицей для «атеистических» типов выстраивания отношений между государством, обществом и религией. Ключевые тезисы параграфа затрагивают темы: культурфилософских оснований социокультурной адаптации религии на фоне квазирелигиозного характера самой интеллектуальной традиции, внешне противостоящей религиям; влияния на культуру и интеллектуальную традицию механистичного мировоззрения; колебаний самой европейской традиции в отношении к религии – от резкого отрицания и конфликта, до инкорпорирования религиозных практик и установок.

Анализ европейской интеллектуальной традиции как квазирелигиозной опирается на определение религии не через внешние формы ее представления (структура, иерархия, обрядность), а через внутренние процессы, обуславливающие ее понимание в аспекте трансляции абсолютных смыслов и ценностей. В качестве примеров развития подобных традиций выступают исследования Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка, О. Конта, И. Канта, Ф. Ницше, Э. Гуссерля, К. Ясперса, М. Хайдеггера, З. Фрейда, Э. Фромма, М. Вебера, Д. Белла, как историки европейской мысли выступают Н. Бердяев, С. Булгаков, А. Шмеман, М. Фуко. В подобном ракурсе интеллектуальная традиция, критикующая внешние практики и формы религии, оказывается не более чем конкурирующим мировоззрением, претендующим на «души последователей». Отмечается, что в европейской философии XVIII – XIX веков внимание акцентируется на рассмотрение базовых категорий – знание, наука, здравый смысл или прогресс, при этом выводы обуславливаются обращением к религиозным характеристикам этих вполне «земных» явлений, которые сопряжены с пониманием Абсолюта в теологических концепциях.

В индустриальном обществе трансформируется восприятие окружающего мира: человек, живущий в больших городах, среди механизмов, включённый в

различные сложно устроенные иерархии, работающий на фабриках, видящий победную поступь инженерной мысли, на глазах меняющей повседневную жизнь, становится склонным к механистическому восприятию мира. Распространение философского механицизма приходит (в основном в XIX веке) на смену предшествующей «органичности» философии, то есть её склонности видеть и объяснять явления посредством их аналогии с живыми организмами. Смене ориентиров интеллектуальной традиции с богословских на *вне- и арелигиозные* сопутствует также культурная адаптация доминирующего варианта мировосприятия: в механистичном мире нет скрытого и тайного, есть вопросы и ответы – верные и неверные, технологии и процессы, которые поддаются формализации и детальному описанию.

Общий ход истории европейской интеллектуальной внерелигиозной традиции не показывает прямолинейного движения «от религии», секулярные концепции могли развиваться иногда параллельно, иногда заимствуя идеи религиозных доктрин. Тупики абсолютизации науки и знания, механицизма и технологического отношения к миру приводили интеллектуальную мысль к неоднозначному взгляду на отношения к религиозным традициям. С одной стороны, в интеллектуальной традиции появилось движение вокруг определения неконфессиональных форм понимания Абсолюта, выделяющие его независимость от разума, что выступило свидетельством связи и противопоставления квазирелигиозных отождествлений с религиозными ценностями и семиотическими изменениями метафизических понятий Бог, Абсолют, Вселенная и др. С другой стороны, были запущены трансформационные процессы внутри религиозной культуры, которые представили целый ряд социокультурных последствий, включивший в себя формирование новой трудовой этики и пенитенциарной системы и пр., обоснованных религиозными мотивами. Эти процессы обусловили развитие культурфилософской рефлексии социокультурной адаптации религиозной жизни в индустриальном обществе, что в дальнейшем повлияло на сценарии, по которым реализовывались вариативные конфигурации положения религиозных институтов в социуме.

В третьем параграфе первой главы «Религиозно-социальные аспекты социокультурной адаптации христианских конфессий в индустриальном обществе» автор дает исторический обзор социокультурной адаптации религии в обществах различных европейских стран с XV по XX вв. Толчком для социокультурных трансформаций, с точки зрения автора, послужил кризис католицизма и католической церкви – широкий культурно-смысловой процесс, следствиями которого стали политические, социальные, экономические и другие изменения. Религиозной реакцией на этот кризис стала Реформация – широкий, многоплановый процесс, шедший в разных странах отнюдь не по единому шаблону. Так в северогерманских землях и Швейцарии, где распространялись две первые версии протестантской адаптации – лютеранство и кальвинизм, сформировался тип взаимоотношений религии и общества, обозначенный в работе как «традиционный протестантизм». Отличия традиционного протестантского общества от «традиционного католического» состоял в основном

в опоре на новые социальные слои горожан, занятых торговлей и производством, так называемых «буржуа». Это повлияло на то, что культурные смыслы, связанные с доступностью Священного писания (его перевод на европейские языки), стали играть более значимую роль в религиозной и общественной жизни, они обусловили иерархию отношений в приходе – традиционная значимость клириков сопровождалась более высокой активностью мирян. При этом сам тип эксклюзивных отношений религиозной традиции, государства и общества не менялся: до самого последнего времени традиционные протестанты не отличались особой веротерпимостью. Государственная поддержка традиционных, «культурообразующих» религий и сейчас обычна для стран традиционного протестантизма. Похожим образом можно охарактеризовать ситуацию в странах Скандинавии, в которых религиозные общины в процессе Реформации по своей структуре практически не изменились, а лишь поменяли «юрисдикцию» – с католической на протестантскую. Как особую форму традиционного протестантизма можно выделить и Англиканскую (епископальную) церковь. Хотя англиканская реформация сопровождалась значительными доктринальными изменениями и общественными конфликтами, ядро традиции не изменилось, как и принцип эксклюзивных отношений в обществе – при всей веротерпимости государства, его церемониальный глава – король, одновременно является и главой Англиканской церкви.

«Неопротестантская» форма взаимоотношений религии и общества связана своим рождением с Англией (а также с Шотландией и Нидерландами) и кальвинистским движением, но «типологически» она представлена в первую очередь в США. Эта традиция восходит к множественности религиозных общин, несогласных друг с другом, и возлагает на государство обязанность защищать любое меньшинство, одновременно не подпадая под доминирующее влияние ни одной из общин. Под влиянием Реформации в XVI – XVII веках менялась и католическая традиция: её ответом стала Контрреформация, также значительно изменившая роль и место религии в обществе, характер их взаимоотношений (ставший более инструментальным и идеализированным), структуру самих религиозных общин, в противовес протестантам укрепляя их иерархичность. Таким образом, из кризиса Реформации католическая традиция перешла в «неокатолическую». Наконец, к крайним проявлениям социокультурной адаптации религиозно-социальных отношений относится французская модель отделения церкви от государства. Французская революция, вступив в конфликт с Католической церковью, сформулировала принципы последовательной внерелигиозности государства и предельной свободы совести в обществе. Любой гражданин может быть религиозным как частное лицо, но в качестве государственного чиновника не имеет права демонстрировать лояльность даже принципам религиозного мировоззрения. При этом в равные условия должны быть поставлены не только разные религиозные традиции, но и верующие, и атеисты, и вообще люди любых взглядов.

Изменение религиозной идентичности в России, начавшееся с Петровских реформ, обусловило спектр разнородных отношений нижних слоёв приходской жизни. Преобразование государственного устройства, формирование высокой

культуры, развитие социально-экономических отношений чаще характеризуются как верхушечные, относящиеся только к высшему дворянству. При Петре I начался процесс ужесточения крепостного права, который институционально оформился при его преемниках. Этот скрытый конфликт между европеизированными «верхами» и остающимися в рамках старорусских традиционных отношений «низами» с точки зрения перехода от аграрно-традиционного к индустриальному типу общества выступает свидетельством преобразований на непрочном фундаменте социокультурных связей и отношений. Сохранение архаичного уклада хорошо вписывалось в обоснование и закрепление традиционного мировоззрения крестьянства. Заемствование европейских образцов на уровне их массового принятия и начало полноценного перехода к индустриальному обществу может быть связано с 1861 годом – время отмены крепостного права. С начала реформ Александра II Россия прошла пять этапов индустриального развития: становление фабрично-заводского производства (1850-60-е гг.); подъем фабрично-заводской промышленности (1885-1900-е гг.); индустриальный кризис (1901-02) и депрессия (1903-08 гг.); экономический подъем (1909-13 гг.); развитие индустриализма в военное время. Представленные этапы индустриализации естественным образом способствовали росту городского населения, что влияло на уклад жизни сельских переселенцев и церковноприходских общин. Процессы урбанизации обусловили укрупнение городов. Эти города становились анклавами индустриального общества, в которых новые граждане стали главными движущими элементами этого общества. Высшее дворянство, новая интеллигенция, городские разночинцы и прочие элементы этой конструкции вели образ жизни, во многих моментах соответствующий быту средних слоёв населения европейских стран, также купечество и рабочие, заняли особую нишу в этих экономических отношениях нового типа – рыночной и индустриальной. В этих больших городах появилась новая индустриальная культура, в которой востребованной оказалась культивируемая государством европеизированная модель религиозности.

При этом анклавы индустриальной экономики и индустриального общества всё также были окружены «сельским морем». Россия и после полувека активной индустриализации оставалась преимущественно аграрной страной с большим процентом сельского населения. На поверку оказалось, что это «сельское море» только внешне выглядело единой культурой, а на самом деле проявилось раздробленностью многочисленных образований, разделяющихся между собой диалектными, низовыми, зачастую архаичными общинно-родовыми культурами. В таких условиях эта религиозная традиция, стремящаяся усвоить европейские черты, указывает на неё как на традицию высших слоёв общества. Религиозность общинно-родовых культур либо недооценивалась, либо воспринималась как смешение символов и ритуалов архаистичных культур и христианства. Заметим, что именно вытеснение и дальнейшее исчезновение в Европе XV-XVIII веков мифологического мышления явились основным признаком религиозной социокультурной адаптации, в России отклик на эти процессы возник позже. В советский период попытки быстро изменить и индустриализовать общество под государственным контролем совпали с ускоренным, а потому экстремальным

давлением на религиозную традицию, попытками полностью исключить её влияние на общественные процессы.

Общему вектору социально-исторических изменений в европейских странах соответствует четыре больших типа трансформации религиозных традиций. Все они вписываются в новое индустриальное общество по традиционному протестантскому пути, через социокультурную адаптацию «традиции», либо по пути неопротестантского дробления на общины, или через неокатолическую реакцию, но за последней, чаще всего, идёт конфликтное столкновение традиции с государством по типу революционной Франции под видом «индивидуального атеизма». В советском индустриальном обществе подвижность социокультурной адаптации Русской православной церкви оказалась сопоставимой с последней моделью. Допетровские религиозные общины были архаичными и консервативными, они дорожили своими религиозными особо русскими чертами. Эти черты сохранялись благодаря поступательной трансляции культурных форм и традиций. С приходом петровских преобразований привычные смыслы подверглись пересмотру. С этого момента обозначился процесс встраивания и адаптации «завезённых» ценностей в русскую религиозную культуру, несмотря на то, что эти продукты являлись характерными для иных религиозных форм культуры. Возложение на духовенство функций государственной власти, обязанных последними нести бремя фискальной направленности, осуществляя регистрацию и учёт чисто гражданских вопросов, связанных с регистрацией рождения, смерти и бракосочетания, а также осуществлять контроль над гражданами относительно участия в церковных таинствах, помещало духовенство в разряд ангажированных властью общественных институтов. Внутри самой церковной инфраструктуры реакцией на это явилась тенденция сокращения численности служащих и формирования негативного отношения духовного сословия к этим повинностям, что свидетельствовало о том, что священническое сословие так и не смогло адаптироваться к своей новой роли. Поэтому наметился процесс обратной адаптации в попытках реконструкции монашеского и богословского движения. Обобщая признаки и условия различных типов социокультурной адаптации религиозной традиций в условиях индустриализации общества, следует отметить тенденцию формирования новой инфраструктуры религии, связанной с трансформацией ее институционального содержания обусловленной поиском и установлением связей устойчивых смыслов с доминирующим мировоззрением.

В четвертом параграфе первой главы «Социокультурная адаптации православия в рамках процессов секуляризации и индустриализации советского общества» рассмотрены общие характеристики социокультурной адаптации религиозной традиции в контексте процессов индустриализации советского общества. Города, в которых активно развиваются экономические и производственные отношения, становятся центрами нового индустриального общества. После Октябрьской революции 1917 года государственное отношение к религиозным институтам в России заметно изменилось. Помимо некомплиментарного отношения к религиозным институтам, представители новой власти попытались установить культурную альтернативу религии, выраженную в

заимствовании религиозных инструментов с квазирелигиозными мотивами, против чего выступал В. И. Ленин. Однако культ личности выступает свидетельством дальнейшего развития эти тенденций. Общий исторический фон данных изменений также кратко изложен как предваряющий события 1940 – 1980-х годов. Вторая половина XX века в СССР ознаменовалась победой в Великой Отечественной войне. Жизнь страны стала активно налаживаться. Для наиболее эффективных и концентрированных действий в этом направлении нужна была идея, способствующая решению задач строительства нового общества. В качестве такой идеи можно рассматривать мобильную индустриализации. Она требовала особого импульса, который получил свое отражение в стахановском движении и ему подобных процессах. В этом ключе прослеживались попытки подмены советскими идеологами традиционных религиозных институтов квазирелигиозными коммунистическими идеологемами, способствующими формированию новых героев. На этом фоне гражданам советской страны предлагалось ощутить себя «строителями» в большом индустриальном механизме. Вслед за партией и правительством в поддержку намеченных целей выступали деятели искусства, культуры, науки, спорта. Каждый на своём уровне подчёркивал большую значимость встроенности в индустриальную систему ценностей. Желание советских людей видеть во всех проявлениях жизни плоды «социалистического строительства» включило в своё поле зрения церковь, которая на взгляд обывателей продолжала оставаться инертной. Сен-Симоновское определение религии как бесплодного для прогресса института стало особо актуальным.

Западное индустриальное общество развивалось постепенно и производило своё строительство, опираясь на экономическое индивидуалистическое стимулирование, входящее в конфликт с общинной традиционной системой ценностей. Советское индустриальное общество имело характер ускоренного движения и искало свою опору в квазиобщинной коммунистической системе, что коренным образом контрастирует с западным аналогом и меняет ментально-психологический подход к самоидентификации и культуре советского индустриального общества. При сравнении традиционного доиндустриального европейского общества с индустриальным, мы находим в доиндустриальном обществе общинные, а также соборные идентификационные обоснования, а в индустриальном – антиобщинные, индивидуалистические.

Развитие отношений государства и церкви в дореволюционный (синодальный) период, сопровождаемый процессами секуляризации и индустриализации, можно охарактеризовать как стремление государственной власти ослабить влияние церковной иерархии посредством бюрократизации церковных институтов. Самостоятельность церковных институтов поддерживалась только в вопросах, не связанных с государственным управлением, ограничиваясь социальными и просветительскими направлениями. Советская модель развития государственно-церковных отношений, используя все имеющиеся государственные инструменты, отменила такой подход, выстроив модель, игнорирующую самостоятельность православной традиции. Вплоть до

начала Великой Отечественной войны 1941-45 гг. существование церковных институтов было поставлено под сомнение.

Ускоренная индустриализация советского общества была связана с формированием особой ментально-психологической платформой, способной объединить и мобилизовать на строительство нового государства. Для этих целей, в противовес церковным структурам, осуществлялись попытки подмены советскими идеологами традиционных религиозных институтов квазирелигиозными коммунистическими идеологемами, с помощью которых транслировались символические идеи экзистенциальной сопричастности строительству нового общества. Безусловно, такие установки могли повлиять на структуры социокультурной адаптации религиозной жизни, в буквальном смысле деформировать её, но благодаря разнообразным обстоятельствам церковь продолжала функционировать. Активный поиск способов нивелирования государственного давления на церковь стимулировал сакрализацию аксиологических смыслов религиозной жизни. Можно выделить следующие направления социокультурной адаптации религиозной жизни: внешняя адаптация, проявляющаяся в отношении к действиям государства, претендующего на роль полного духовного господства и генерального регулятора церковной жизни; внутренняя адаптация, свидетельством которой явилось влияние на внутриприходскую жизнь заводских трудовых отношений, связанных с выполнением дисциплинарных предписаний.

Если в европейских странах индустриализация длилась около столетия и позволяла относительно мирными путями решать адаптационные проблемы религиозным сообществам, то ускоренные процессы советской индустриализации, которые можно было поместить в тридцатилетний отрезок, не оставляли шансов на разумное переосмысление государством и церковными общинами своего прошлого. Процессы секуляризации и урбанизации происходили спонтанно, что мешало религиозной адаптации происходить мягко и безболезненно. Ускоренные попытки изменить и индустриализировать советское общество создали предпосылки для экстремального давления на религию, что предрешило своеобразный ответ на этот вызов со стороны последней. Религиозные институты продемонстрировали способность приспосабливаться к подобным сценариям, создавая прецеденты не только для выживания, но и для развития. Квазирелигиозные заимствования государством методик и практик, взятых в качестве образца у религии, не смогли разрушить отношение граждан к традиционной религии. На семантическом уровне индустриальные механистические символы не смогли вытеснить традиционные «живые» религиозные символы.

Во второй главе «Социокультурная адаптация Русской православной церкви в индустриальном Кузбассе второй половины XX века» автор переходит к рассмотрению собственно эмпирического и архивного материала, касающегося религиозной жизни советской провинции второй половины XX века. Обозначаются ценностные установки социокультурной адаптации Русской православной церкви в советском обществе на примере материалов периодической печати Кузбасса 1954-88 гг., характеризуются идеологические

механизмы регулирования государственно-церковных отношений в Кузбассе второй половины XX века, конкретизируются процессы социокультурной адаптации Русской православной церкви в повседневных практиках Кузбасса второй половины XX века.

В первом параграфе второй главы «Ценностные установки социокультурной адаптации Русской православной церкви в советском обществе (по материалам периодической печати Кузбасса 1954-88 гг.)» рассматривается содержание опубликованного материала антирелигиозного содержания с середины 1954 г. до конца 1980-х гг. изданного в Кузбассе. Ускоренная индустриализация в Кузбассе началась в конце 1920-х годов. Композиторы, художники, артисты, писатели и поэты стремились вписать свои имена в славную историю родного края, поддержать строителей этого процесса, дать обоснование индустриальному строительству как судьбоносному явлению для страны. Ускоренные процессы советской индустриализации Кузбасса уместились в тридцатилетний срок, что не позволяло в разумной манере отрефлексировать и адаптироваться ко всем изменениям. Государственные инициативы регуляционного характера, которые помимо общественной среды распространяли своё влияние и на религиозные институты, не оставляли шансов на разумное осмысление места церковных сообществ в новом формирующемся мире. Более того в советской России процессы секуляризации обусловились крайним нетерпением государственных институтов к религиозной жизни граждан.

На «информационном фронте» антирелигиозной пропагандой занимались в основном непрофессионалы. В средствах массовой информации эта пропаганда имела постоянный, но несистемный характер. Антирелигиозная работа проходила фактически при отсутствии квалифицированных лекторов-пропагандистов. Лекторы, по отзывам советской прессы, были малограмотны, скучны для аудитории и по этой причине неэффективны. Из публикаций на антирелигиозные темы становится очевидным, что в системе пропаганды не развивались новые подходы в работе. Вузовское сообщество не было задействовано в достаточной мере в разработке и формировании особых методов «борьбы с религией». Поэтому во многом антирелигиозная работа имела скорее формальный характер. Прослеживается даже комплементарность журналистов по отношению к верующим. Из прессы рассматриваемого периода можно узнать, что «атеисты» практически не были готовы вести серьёзную полемику с «церковниками». Формируя аргументы для составления «индустриального морального кодекса», некоторые авторы демонстрируют явные заимствования из Библии. Обвиняют приверженцев христианства в попытках сблизить с заповедями идеалы коммунизма. Антирелигиозная работа находилась фактически в критическом состоянии, однако в «прессе» победоносно декларировался кризис религии. Кризисом религии назывались любые правонарушения, связанные с церковной жизнью. Имеются публикации, призывающие в противовес Церкви внедрять советские обряды. Гражданские ритуалы были призваны замещать религиозный мистицизм яркими и торжественными нерелигиозными действиями.

Особое место в прессе занимали статьи-разоблачения, в которых указывались конкретные имена, должности: кто, где, как, при каких обстоятельствах, от кого принял крещение, освятил дом, заказал отпевание. Также особое место отводилось информации о том, насколько вредно для здоровья соприкасаться с Церковью. Приводились примеры болезней духовенства, условий антисанитарии с описанием использования холодной и «кишащей» бактериями воды на крещении и многое другое. Ряд статей был направлен на «правильное» понимание ценностей в советском промышленном городе, где, например, идеологическую борьбу социалистического содружества против западного капитализма предлагалось выстраивать с опорой на религиозные организации. К 1988 г. тон критики смягчился, но совсем не исчез, хотя церковь начала представляться в позитивном ключе. Исходя из обзора периодических информационных печатных изданий Кемеровской области 1954-88 гг. можно представить реальные условия социокультурной адаптации религиозных общин и определить процессы трансформации и сохранения религиозной культуры в условиях ценностного контекста, формируемого в системе государственно-церковных отношений.

Во втором параграфе второй главы «Идеологические механизмы регулирования государственно-церковных отношений в Кузбассе второй половины XX века» описаны способы общественно-государственного давления на церковные институты, обусловленные стремлением разрушить религиозную идентичность. Развитие индустриального общества и секулярных процессов сопровождалось кардинальным переосмыслинением основ жизни людей, поэтому возникла необходимость в пересмотре духовных способов регуляции отношений к этическим нормам, эта миссия стала закрепляться за правовыми государственными институтами. В дореволюционной России религия рассматривалась в контексте диалога с государством, подобная попытка была также предпринята в 1950-х годах в советской России, но не увенчалась успехом. Новые сценарии государственно-церковных взаимоотношений развивались под влиянием принципов индивидуального атеизма, которые усугубляли конфликтное содержание социально-религиозной коммуникации.

Смягчение политики советского государства по отношению к церкви и верующим, наблюдавшееся в период Великой Отечественной войны, оказалось вынужденным и времененным. В послевоенные десятилетия, особенно в годы правления Н. С. Хрущева, власть старалась дискредитировать церковь в глазах своих граждан посредством изображения негативного образа священнослужителей. Наиболее распространённые инструменты регулирования государственно-церковных отношений в советском обществе юга Западной Сибири сводились к следующему ряду идеологических практик: нормативно-правовая деятельность, связанная с установлением общегосударственного подхода к проблеме регуляции социально-религиозных отношений; просветительская деятельность с использованием средств массовой информации, направленных на «воспитание трудящихся»; кадровая деятельность, связанная с подготовкой идеологических работников и выстраивания их системной работы; квазирелигиозная деятельность, обусловленная общественной активностью,

направленной на формирование социальных верований и ритуалов; создание прецедентов репутационной неблагонадежности представителей церкви с целью этического обоснования классовых противоречий; управленческий и финансово-хозяйственный контроль, обуславливающий невозможность структурной автономии церкви. Представленные примеры практик регулирования государственно-церковных отношений в советском обществе свидетельствуют о максимальном контроле сферы религиозной жизни.

На уровне повседневных практик выстраивания взаимодействия государственных и церковных институтов конкретные ситуации усложнялись неоднозначной оценкой способов регулирования этих отношений, что способствовало поиску адаптивных инструментов для установления автономии церковной жизни, развитию миссионерской деятельности, которая носила личностный характер. Анализ конкретных ситуаций свидетельствует о неоднозначности и сложности их оценки с точки зрения взаимодействия официальных декларируемых принципов атеизма и религиозных отношений, формирующихся в практиках повседневной жизни. При наличии тенденции к унификации религиозной культуры с целью максимального контроля сферы религиозной жизни, характер развития государственно-церковных отношений обуславливался логикой развития внутреннего содержания социально-религиозных связей. Это получило отражение в поисках возможностей установления автономии церковной жизни, развитии миссионерской деятельности. Актуализация личностной формы миссионерства даже при наличии запретов представляется в качестве внутреннего императива, обуславливающего устойчивость трансляции религиозных ценностей, защищённых от внешних влияний. Такая внутренняя резистентность церкви к идеологическим практикам регулирования государственно-церковных отношений в советском обществе выступает свидетельством официально невыраженной сохранности основ религиозного мировосприятия в практиках повседневности.

В третьем параграфе второй главы «Процессы социокультурной адаптации Русской православной церкви в повседневных практиках Кузбасса второй половины XX века» дана характеристика региональной модели социокультурной адаптации православной традиции в советском обществе. Отвечая на законодательные ограничения общецерковных структур, получила распространение деятельность священства, не совсем вписывающаяся в законные рамки. Полулегальные практики не могли разворачиваться с размахом и без оглядки на реакцию властей, поэтому они носили ограничительный характер. Тем не менее, из разговоров с респондентами известно об изготовлении и распространении катушечных магнитофонных аудиокниг с религиозным содержанием, духовно-нравственной литературы и других способов передачи катехизаторского актива потенциальным прихожанам вне храма. Также известны случаи о работах по ремонту, реконструкции и достройке церковных зданий вопреки нормативам и инструкциям местных властей. В подобных ситуациях известны были практики неформального общения церкви и государства. Существующие ограничения приводили либо к конфронтации, либо к попыткам приспособиться к возникающим условиям, используя неформальные

договорённости или принимая правила игры советской бюрократии, проявляя внешнюю лояльность при не высказываемом недовольстве сложившимся порядком вещей.

К числу социально эффективных мер воздействия на церковь можно отнести налоговое обременение 1950-60-х гг. и перевод церковных финансов под контроль «общины», а также перевод священства на фиксированную зарплату. Действенных и систематических попыток противостояния финансовому контролю и ограничениям не было. Управленческие и финансово-хозяйственные ограничения клириков, с одной стороны, нивелировали структурную автономию, а с другой стороны, создавали предпосылки для более тесного общения с прихожанами, что способствовало усилению миссионерской активности и гарантировало альтернативную финансовую автономность, минуя церковную бухгалтерию.

Ещё одной мерой явилось изменение принципа единократности назначения священников на приходы. Она показала себя как удобный инструмент для установления контроля за духовенством как для государственных структур, так и для церковной иерархии. Важно, что практика регулярного перевода священников с прихода на приход закрепилась и стала в последние десятилетия своего рода нормативной для русской церкви. Из региональной модели, отражающей частные практики, можно вывести и более общую схему воздействия советского государства и общества на православную религиозную традицию и итоговую адаптацию этой традиции. Первоначально Русскую православную церковь можно охарактеризовать как в значительной мере бюрократизированную, сословную и лояльную государству социальную структуру, участники которой по большей части могли быть оценены как законопослушные и привилегированные члены общества. Дальнейшее усиление бюрократизации церкви явилось результатом трансформации традиции. Данная тенденция осуществлялась благодаря высокому уровню бюрократизации советского «вмещающего» общества, и пристальному вниманию властных структур к делам церкви. Одним из основных следствий этой усиленной бюрократизации стал рост влияния высшей иерархии и династических церковных союзов при снижении роли рядовых священников и мирян. Наступило время практически полного разрушения принципа общинности.

Советское общество отменило сословные границы, и современные исследователи говорят лишь об их остатках в квазисословных слоях. Духовенство, на наш взгляд, сохранило принципы сословной изолированности и солидарности. Это может быть связано и с длительным восприятием церкви как рудимента дореволюционного общества, в котором естественно сохраняются соответствующие отношения, и с большой ролью в церковной жизни 1940-80-х гг. священников из юго-восточной Финляндии, Восточной Польши и Прибалтики присоединённых к СССР в 1939-40-м гг., где еще сохранялась церковная община «дореволюционного образца», и с противоречивым статусом верующих и их объединений в советском союзе. В результате ограничения активности верующих, сословной изоляции и общей маргинализации формировалась низкая лояльность государству, которая получила широкое распространение в повседневных практиках. На смену рационализированному богословию пришло доминирование

«народного православия» при незначительной роли «высокой» богословской традиции, носители которой сохранились в основном в крупных городах. Кандидатов в священнослужители государство помещало в условия сниженного образовательного ценза. Это приводило к личным инициативам самообразования, которые реализовывались при обращении к багажу «народного православия» или низовому упрощённому пониманию традиции.

По итогам общения с респондентами-священнослужителями об изменениях, которые происходили в сфере профессионально-приватной деятельности (богослужение, исповедь и тайна исповеди), можно заключить, что трансформация традиционной религиозной культуры и идентичности здесь неочевидна, что, видимо, может быть связано с возможностью сокрытия от внешнего давления личных эмоций, мыслей, приватным характером частной коммуникации. Но очевидным является способность церкви адаптироваться, используя вспомогательные практики повседневных форм церковной идентичности. В частности, речь идёт о приватном и практически ничем не ограниченном ретрансляторе-исповеди. Духовничество удобно для формирования и трансляции функционирования религиозных систем. Между духовником и мирянином появляются сакральные отношения, свои «тайны». Тематический диапазон на исповеди затрагивает такие бытовые приватные области, которые в обыденной жизни не обсуждаются ни с друзьями, ни с родными. В то же время, в своей публичной деятельности и частной жизни священники и активные члены общин испытывали максимальное неудобство.

В целом, можно заключить, что под давлением советского государственного аппарата церковная среда городов Юга Западной Сибири с 1950-х годов переживала внутренние деформации, которые можно оценить как негативные с точки зрения сохранения целостности церковных сообществ и этических оснований религиозного мировоззрения. Эта особенность, типичная для регионов страны, обусловила самоизоляцию отдельных групп и лиц, их внутреннюю нелояльность к обществу. Внутренним фактором эрозии социокультурной адаптации религиозной жизни можно считать внутригрупповую конкуренцию, доминирование бытовых связей и отношений над религиозными. В качестве адаптивных механизмов, позволяющих сохранить религиозную идентичность, можно рассматривать следующие способы установления интегративных связей и отношений:

- духовничество, предполагающее формирование тесных «зон доверия» на основе глубоких личных, почти интимно-родственных связей духовника и его паствы, дополнительную устойчивость которым придавало их рассмотрение как сакральных, не подчинённых логике обыденной жизни;
- клерикально-семейные династии и группы, в которых проявлялась семейно-родственная сплочённость для противостояния внешнему давлению со стороны властей;
- национально-этнические группы, формирующиеся на основе реализации механизмов сплочённости по принципу землячества и общих этнических связей;
- церковная иерархия, обусловленная авторитетной институциализацией подчинения с целью сохранения общих смыслов в практиках трансляции

религиозной традиции, такая централизация способствовала локализации «профессиональной» среды как субкультуры.

На протяжении многих веков в истории Российского государства такие институты были обязательными для православных, но именно в советский период их роль приобрела особое значение в связи с внутренней необходимостью сохранения религиозной идентичности, которая выступала условием возможности социокультурной адаптации Русской православной церкви в советском обществе.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, обобщаются результаты, достигнутые в ходе работы, формулируются выводы и возможные перспективы дальнейших исследований в рамках данной темы.

Основные положения отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Кошкаров А. Г. Трансформация религиозной культуры в контексте индустриального общества на Юге Западной Сибири во второй половине XX века // Ученые записки Российского Государственного социального университета. – 2009. – № 11 (74). – С. 26-28.

2. Кошкаров А. Г. Механизмы распада и сохранения религиозной культуры в индустриальном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5-4 (11). – С. 112-118.

3. Кошкаров А. Г. Региональная модель культурной адаптации православной традиции в советском обществе второй половины XX в. (на примере Юга Западной Сибири) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-1 (38). – С. 96-99.

4. Кошкаров А. Г. Государственное влияние на православную традицию в советском обществе 1940-х – 1980-х гг. (на примере Юга Западной Сибири) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11-2 (37). – С. 81-84.

5. Кошкаров А. Г., Миненко Г. Н. Основные тенденции социокультурной адаптации православия в России в рамках процессов секуляризации и индустриализации российского общества и государства (XVIII – XX века) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 60. – С. 35-46.

6. Кошкаров А. Г., Миненко Г. Н., Астахов О. Ю. Социокультурная адаптация православной традиции в условиях советского общества 1940-80-х годов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств – 2024. – № 69. – С. 32-39.

7. Кошкаров А. Г. Идеологические практики регулирования государственно-церковных отношений в советском обществе // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2025. – № 72. – С. 37-45.

Статьи и тезисы, опубликованные в других изданиях:

8. Кошкаров А. Г. Место христианских ценностей в индустриальном обществе // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2011. – № 7. – С. 209-213.
9. Кошкаров А. Г. Влияние индустриальной культуры на религиозную жизнь общества в середине XX века // III Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925-1995). – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2007. – С. 175-179.
10. Кошкаров А. Г. Механизмы локального государственного регулирования деятельности духовенства и верующих индустриального города // III Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925-1995). – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2007. – С. 179-181.
11. Кошкаров А. Г. Эволюция духовно-нравственных ценностей советского человека в условиях становления индустриального общества // III Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925-1995). – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2007. – С. 181-184.
12. Кошкаров А. Г., Кошкарова И. А. Чем является толерантность в индустриальном обществе? // IV Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925-1995). – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2008. – С. 180-184.
13. Кошкаров А. Г. Механизмы кризиса религиозной культуры в контексте индустриального общества на Юге Западной Сибири во второй половине XX века // Ученые записки НИИ прикладной культурологии: науч. журнал. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т культуры и искусств, 2008. – Т. 1 (5). – С. 137-141.
14. Кошкаров А. Г., Кошкарова И. А. Место религии в индустриальном обществе // IV Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925-1995). – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2008. – С. 173-180.
15. Кошкаров А. Г. История Михаило-Архангельского храма г. Новокузнецка: к проблеме существования религиозного компонента в пространстве индустриального города // История идей и история общества: материалы VI Всероссийской научной конференции. – Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2008. – Ч. II. – С. 51-53.
16. Кошкаров А. Г. Особенности государственной политики, направленной на культурно-ментальную перекодировку духовенства Русской Православной Церкви во второй половине XX века (по архивным материалам Юга Западной Сибири) // V Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925-1995). – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2009. – С. 107-116.
17. Кошкаров А. Г. Внутриклерикальные предпосылки для трансформации религиозной культуры в контексте индустриального общества на Юге Западной Сибири во второй половине XX века // VI Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925-1995). – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2010. – С. 140-148.
18. Кошкаров А. Г., Кошкарова И. А. Процесс инкорпорации православных клириков и мирян в социокультурное пространство советской действительности на периферии // VI Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925-1995). – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2010. – С. 148-157.

19. Кошкаров А. Г. Некоторые причины религиозного кризиса в российском индустриальном обществе // Модернизация образования в условиях глобализации: материалы Международной научно-практической конференции. – Новокузнецк: Новокузнецкое издательство «Next», 2011. – С. 97-100.
20. Кошкаров А. Г. Особенности атеистической пропаганды в периодической печати Кемеровской области с середины 1950-х до конца 1980-х гг. // Культурное наследие Сибири. – 2021. – № 2 (32). – Т. 2. – С.102-111.
21. Кошкаров А. Г. Субституциональная смена сакральных парадигм: к вопросу о религиозных и социальных аспектах коммуникации // Социальные коммуникации: философские, культурологические, исторические, психологические, политические, религиозные измерения: сборник статей IV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. Ю. Астахова, О. Ф. Гаврилова, Т. И. Грицкевич, О. И. Жуковой, Е. Ф. Казакова, С. Н. Чируна: в 2-х частях. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2025. – Ч. 1. – С. 288-292.